



Валерий ЗОЛОТУХИН:

«МОЙ ДОМ — ТЕАТР»

«Помню, в свое время я с радостью узнал, что Валерий Золотухин родом с Алтая. Мало того — из тех же мест, что и Василий Шукшин. Кажется мне, я подозревал и тайне надеялся на это с самого начала, как только отличил Золотухина из многочисленного общества актеров: та же цепкость и смелость во взгляде, та же самостоятельность, некоторая даже настырность, совсем не в плохом смысле этого слова, характера, который никакой игрой не загнать и никакой ролью не спрятать, который постоянно и без стеснения заявляет, что он рожден в вольных местах и на всю жизнь собирается остаться вольным. Я вовсе не пытаюсь сравнивать

Шукшина и Золотухина как актеров и тем более как писателей, — ни тому, ни другому это не нужно, — я хочу лишь обратить внимание, что единая родина как бы угадывалась даже во внешних проявлениях их натур и, уж конечно, сказывалась на развитии их талантов».

Так писал Валентин Распутин в предисловии к книге Валерия Золотухина «На Исток-рекушку, к детству моему», изданной еще в 1978 году.

С разговора о новой книге и начался наш разговор с актером театра на Таганке Валерием Золотухиным.

— Книга, которую я назвал «Дребезги», скоро должна появиться в магазинах. В ее основе лежит дневниковая повесть «Все — в жертву памяти твоей», — выборные места из моих дневников, которые я веду на протяжении очень многих лет. Это в первую очередь связано с именем Владимира Высоцкого, с театром на Таганке, с Любимовым... Я очень рискую, публикуя «Дребезги», долго сомневался...

— Почему?

— Да потому, что все это написано, что называется, по горячим следам, в отличие от всего того, что опубликовано о Высоцком, — при его жизни, понимаете? Мы в то время были молоды, равны, мы только начинали. Все для нас тогда было в черно-белом цвете: или гениально, или бездарно. Мы судили друг о друге или возвышенно, или наоборот — очень резко. Владимир в каждом видел прежде всего какое-то творческое начало и часто — больше, чем человек имел. Он мог, например, назвать Смехова Гоголем, а меня — Достоевским.

Но мою книгу надо читать подготовленно — человеку, при чтении необходимо обращать внимание на даты.

Марина Влади, Алла Демидова, Вениамин Смехов — все они пи-

сали уже после смерти, когда произошла какая-то оценка творчества Высоцкого, когда над его головой засветился некоторый ореол. А мой дневник писался, например, сразу после спектакля, или мы, скажем, напились где-то, или еще что-то... Это, согласитесь, совершенно разные вещи.

Как известно, Пушкин сжег свои дневники. Я не той породы.

— Вы считаете, это нужно поклонникам Высоцкого? Может быть, они хотят видеть его с неким «венчиком» над головой?

— Я думаю, моя книга не испортит такого отношения к нему. Ведь столько информации о Высоцком было выдано. Уже одиннадцать лет прошло со дня его смерти. Те, кто интересуется его творчеством, жизнью, уже многое знают, особенно после выхода книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет», когда то, что мы раньше старались скрыть, стало известным. Другое дело — как это написано.

Я, например, многое читал о гениальной французской певице Эдит Пиаф — о том, что она употребляла алкоголь, наркотики, про ее поклонников, любовников и прочее, — и это никак не мешает мне

относиться к ней так, как если бы я всего этого не знал.

— Валерий Сергеевич, хотелось бы узнать о вашей актерской деятельности. В последнее время кинозрители почти не видят вас в кино. С чем это связано?

— Тут произошла такая вещь. В период моей кинематографической популярности я «завязал» с кино — сел писать книгу «На Исток-рекушку, к детству моему», потом появились «Дребезги». Таким образом, я на несколько лет вышел из игры. А когда ты надолго выходишь из игры, снова вступить в нее очень сложно. Это одно обстоятельство. И второе, — думаю, что я, в кинематографе, как и, допустим, Таганка в театре, уже сделал какое-то свое дело и для определенного кино стал неинтересен. Последний фильм, в котором я снимался, — «Человек с аккордеоном».

Ну, а сейчас я сделал большой фильм с замечательным режиссером Швейцером «Как жилось, караси».

Эта строчка из Александра Галича. Помните, у него:

«Как жуete, караси,
Как жизете, караси,
Как стучите, караси...»

Я в свое время сыграл у него Моцарта в «Маленьких трагедиях»,

капитана Копейкина в «Мертвых душах».

В этой картине я играю одну из центральных ролей — карася-либерала.

Но, поскольку я считаю, что основным моим актерским ремеслом, основным домом является театр, то я все основное время и интересы отдаю ему.

— Есть ли у вас такая роль, которой вы гордитесь, про которую могли бы с уверенностью сказать: «Это у меня получилось»?

— Сложно ответить... Мне очень дорога роль Кузькина в спектакле «Живой» (по повести Бориса Можаева «Из жизни Федора Кузькина»), который пролежал «на полке» двадцать лет.

Я люблю играть и Гришку Отрепьева в «Борисе Годунове». А что касается кинематографа...

— Многие кинозрители помнят вашего Бумбараша. Ведь именно он сделал вас известным в кино.

— Вы знаете, не всегда роль, принесшая тебе популярность, является любимой. Бумбараша я люблю, но гораздо больше я люблю, например, роль дяди Саши в эпизоде фильма «На всю оставшуюся жизнь», — этакий полусумасшедший дядька, потерявший шесть своих женщин.

Роль делается, фильм уходит с экранов, ты про него забываешь — и все. Иногда ты видишь какой-то фрагмент, понимаешь — тебе за него не стыдно. А про многие роли, которые, кстати, понравились зрителям, думаешь: «Лучше бы их у меня вовсе не было».

— И в заключение вопрос, который, наверное, интересует многих: что нового в театре на Таганке? Вернулся ли, наконец, Юрий Любимов?

— Юрий Петрович пока работает за границей — у него там контракты, которые он не может сорвать. Он хочет выкупить наш театр у Моссовета, перевести актеров на контракт, реорганизовать труппу. В театре паника, потому что он планирует заключить контракты лишь с пятнадцатью-двадцатью артистами, а в театре их — человек сто. Значит, остальные окажутся безработными...

Понимаете, в связи с рыночными отношениями, приватизацией, сложилась такая ситуация. Чем она разрешится — я даже не представляю. Будем надеяться на лучшее.

Беседовала

Гузель ПОДОЛЬСКАЯ.

Фото Ильи ШАЛМАНА.